

Епимахова В. Г.

ORCID: 0000-0002-1031-3444

Челябинск, Россия

E-mail: valeriya_kirnos@mail.ru

УДК 821.161.1-31 (Гончаров И. А.)

DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_04

ПУШКИНСКИЙ КОД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Аннотация. Пушкинский код в романах И. А. Гончарова представлен широким спектром проявлений интертекста, отражающего различные смысловые связи между произведениями Гончарова и пушкинскими претекстами. Через выявление типологических сходжений, которые пронизывают тематический, образный и структурный уровни повествования, можно проследить особенности воплощения пушкинской традиции в романах Гончарова. Строя пушкинский код в своих текстах на отталкивании, иронии и переосмыслении, писатель так или иначе благодаря обращению к Пушкину и его творчеству транслирует код на его глубинном уровне: передает и раскрывает свой авторский взгляд на мир. Гончаров приближается к постижению конечного смысла бытия через искания творчества, постоянно обращаясь к художественному миру Пушкина. Пушкинский код работает в текстах как механизм, вскрывающий замысел Гончарова, способствующий формированию основных смыслов романа и авторских идей, заложенных в него как значимый подтекст для понимания читателя.

Ключевые слова: пушкинский код; литературные традиции; романы; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

Epimakhova V. G.
Chelyabinsk, Russia

PUSHKIN'S CODE IN THE ROMAN OF I. A. GONCHAROV “ORDINARY HISTORY”

Abstract. The Pushkin Code in the novels of I. A. Goncharov is represented by a wide range of manifestations of intertext, reflecting various semantic connections between the works of Goncharov and Pushkin's pretexts. Through the identification of typological convergences that permeate the thematic, figurative and structural levels of the narrative, it is possible to trace the peculiarities of the embodiment of the Pushkin tradition in the novels of Goncharov. Building the Pushkin code in his texts on repulsion, irony and rethinking, the writer, one way or another, thanks to his appeal to Pushkin and his work, translates the code at its deepest level: he conveys and reveals his author's view of the world. Goncharov approaches the comprehension of the ultimate meaning of being through the search for creativity, constantly turning to the artistic world of Pushkin. The Pushkin Code works in texts as a mechanism that reveals Goncharov's intention, contributing to the formation of the main meanings of the novel and the author's ideas, embedded in it as a significant subtext for understanding the reader.

Keywords: Pushkin code; literary traditions; novels; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots; literary images.

Общепризнанным является факт глубокого влияния А. С. Пушкина на судьбы русской литературы. И. А. Гончаров, по свидетельству современников, «благоговел перед Пушкиным, знал наизусть не только множество его стихов, но и выдающиеся места его прозы» [Кони 1969: 30]. В 1887 году, в годовщину гибели Пушкина, он писал великому князю Константину Константиновичу Романову: «Почти все писатели новой школы: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Майков, Фет, Полонский, между прочим, и все мы, шли и идем по проложенному Пушкиным пути, следуем за ним и не сворачиваем в сторону, ибо это есть единственный торный, законченный классический путь искусства и художественного творчества» [Гончаров 1955: 76].

Вопрос о пушкинской традиции в творчестве И. А. Гончарова не нов. Ученые рассматривали в своих работах различные аспекты

пушкинского влияния в его произведениях. Этой проблемой занимались П. П. Алексеев, И. П. Иванова, И. И. Ковтунова, В. И. Мельник, В. А. Недзвецкий и др.

На сходство эстетических взглядов Пушкина и Гончарова указывает В. А. Доманский [Доманский 2003: 146]. О. А. Демиховская и О. А. Бычкова отмечают пушкинскую традицию в романе «Обломов» [Демиховская 1968: 101]. Б. С. Кондратьев предлагает сравнительный анализ «Сна Обломова» и стихотворного отрывка А. С. Пушкина «Сон», указывая на схожесть мотивов [Кондратьев 2008: 95]. С. Бочаров обращает внимание на схожесть персонажей романа Гончарова «Обрыв» с героями пушкинского романа [Бочаров 2012: 158].

Пушкинский код в романах И. А. Гончарова неоднороден по структуре и семантике: он представлен широким спектром проявлений интертекста, отражающего различные смысловые связи между произведениями Гончарова и пушкинскими претекстами. Через выявление типологических сходжений, которые пронизывают тематический, образный и структурный уровни повествования, можно проследить особенности воплощения пушкинского кода в романах Гончарова, что позволит глубже понять их смысл.

Понятие «литературный код» ввели постструктуралисты. Р. Барт определяет кодирование применительно к словесности как «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре...». По Барту, «коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого «уже», конституирующего всякое письмо» [Барт 1989: 455–456].

У. Эко кодом считает «некую систему ожиданий, действительную в знаковом универсуме» [Эко 1998: 30]. Придерживаясь толкования Эко, кодом следует считать любой условный сигнал, несущий информацию, и чтобы разгадать смысл этого сигнала, нужен ключ. Ключом для литературного кода является сумма знаний в области литературы, умение ориентироваться в этих знаниях.

Российский литературовед М. Я. Поляков литературный код трактует как систему, которая функционирует как в отдельном произведении, так и во всем творчестве писателя. Помимо этого, согласно его мнению, может быть литературный код группы писателей или код целого литературного направления. В этом смысле литературный код — это система знаков, изменяющихся в определенных границах

правил употребления. В работе «Вопросы поэтики и художественной семантики» Поляков указывает на разницу между литературным и культурным кодами. Он считает, что литературный код не выходит за рамки своей сферы искусства, т. е. словесного творчества. Культурный код включает в себя, кроме эстетического, научный, социальный, ментальный и другие способы освоения действительности. Общность культурного и литературного кодов литературовед видит в том, что оба они являются способами отражения существующей действительности. Согласно его теории, литературный код, с одной стороны, становится материалом для возникновения культурного кода, а с другой стороны, использует знаки культурного кода для создания отдельных произведений искусства [Поляков 1986: 277].

На взаимосвязь интертекстуальности и литературного кода указывает литературовед Г. К. Косиков. В монографии «Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму» он пишет, что «интертекстуальность надо понимать не как создание точечных цитат из различных авторов (центон или попури есть не что иное, как банальный продукт ножниц и клея), но как пространство схождения всевозможных цитаций. Конкретная цитата, реминисценция, аллюзия и т. п. — это частный случай цитации, эллиптический знак, симптом чужих языков, кодов и дискурсов, которые как бы в свернутом виде заключены в данном произведении и, будучи развернуты, позволяют реконструировать коды и дискурсы» [Косиков 2000: 329]. Согласно этому мнению, писатель при создании произведения, прибегая к цитированию, реминисценциям и аллюзиям, пользуется таким образом литературными кодами в свернутом виде.

Литературный код лежит в основе смысла того или иного культурно значимого текста, получает конкретную реализацию в структуре символов, образов, мотивов того или иного более позднего текста и неизменно оставляет отпечаток в сознании реципиента. Поскольку код предполагает «наличие репертуара символов» [Эко 1998: 43], репрезентирующих его в том или ином семиотическом пространстве, в их роли часто выступают текстовые реализации приёма интертекста — цитаты, реминисценции, аллюзии и т. п.

В романе «Обыкновенная история» мы можем наблюдать пушкинский интертекст в разных его проявлениях. Именно в этом романе в большей степени проявились и очарованность молодого Гончарова великим поэтом, и одновременно стремление самого писателя и его героя освободиться от романтических иллюзий.

Практически с первых страниц мы вступаем в аллюзивное поле. По приезду в Петербург Александр встречается с «бедным Евгением». Историко-философская концепция пушкинской поэмы имеет принципиальное значение для развития сюжета «Обыкновенной истории», демонстрирующей один из возможных вариантов столкновения частной судьбы с исторической необходимостью. Однако такой исход событий поначалу не занимает Александра, который любит Медным всадником.

Адуев-младший восхищен созданными Пушкиным образами и как бы сам живет в них, смотрит на мир сквозь призму романтизма. Вырванные из контекста, они приобретают новые смыслы, зачастую вступая в конфликт с реальностью.

Главные герои романа, без сомнения, связаны с узнаваемыми персонажами романа «Евгений Онегин». Их речь насыщена цитатами из Пушкина, они как бы соревнуются в знании и истолковании его текстов. Но чаще всего слова и выражения, цитаты из произведений Пушкина мы слышим из уст Александра Адуева. Образ мечтательного и романтического Александра Адуева становится как бы продолжением образа Ленского. Неспроста Гончаров наделяет речь Александра Адуева выражениями Ленского и часто ставит его в сходные с пушкинским романом ситуации.

Оба молодых героя (Пушкина и Гончарова) живут в своем мире иллюзий и представлений. Однако романтизм Адуева обращен в России, в русской провинции. Ему присуща наивная доверчивость, свойственная человеку, выросшему в деревне, он привык верить и открываться людям, видеть в окружающих добро и участие. В столичном городе он оказывается впервые, здесь его идеалы подвергнутся суровому испытанию и изменят его представления о жизни.

Восхищенному читателю пушкинского романа И. А. Гончарову ближе была сюжетная линия, связанная с Ленским, нежели с главным героем. Но интерпретируется эта судьба не трагически, как в «Евгении Онегине», а пародийно-комически. Адуев не погибает, когда его мечты разбиваются о реальность, как это было с Ленским, а становится другим человеком, соответствующим правилам нового, «реалистического» общества. Таким образом, автор обрек героя не на физическую смерть, но на «духовную». Деловой Александр Адуев сам отказался от «романтической» стороны жизни. И в каком-то смысле такое изменение хуже болезни и гибели. Деловая жизнь поглотила его, навсегда лишив романтических настроений.

Во второй главе второй части романа читаем: «В <...> комнате за столом сидел Александр, положив руки на стол, а на руки голову, и <...> спал. Перед ним лежала бумага. Петр Иванович взглянул — стихи. «И сам уснул!» [Гончаров 1972: 180]. Эти строки отсылают нас к другому романтику — Ленскому. Ночью, перед решающей дуэлью «на модном слове «идеал» Тихонько Ленский задремал...» [Пушкин 1984: 162]. Возможно, Ленский «расстался б с музами, женился, <...> Пил, ел, скучал, толстел, хирел» [Пушкин 1984: 169], если бы не погиб на дуэли с Онегиным. В жизни Александра Адуева все так и случилось.

Авторскую иронию, направленную на впечатлительного Александра, мы ощущаем в намеренно неточном цитировании: «Не попущу, чтоб развратитель/Огнем и вздохов и похвал/Младое сердце искушал.../Чтоб червь презренный, ядовитый/Точил лилеи стебелек,/Чтобы двухутренный цветок/Увял, едва полураскрытый...» [Гончаров 1972: 117].

Это неточная цитата из «Евгения Онегина» (у Пушкина: «Не потерплю...» и «...еще полураскрытый» — глава шестая, строфы XV, XVI, XVII) связана с ситуацией, когда Наденька предпочла общение с другим юношей. Отношение к любимой Александр выразил в следующих строчках: «С ней обрели б уста мои/Язык Петрарки и любви...» [Гончаров 1972: 149]. Цитата из «Евгения Онегина» (глава первая, строфа XLIX) у Пушкина звучит иначе: «С ней обретут...».

Нужно сказать и о женских персонажах «Обыкновенной истории». Своей «верностью жизни» героини Гончарова схожи с пушкинскими Ольгой и Татьяной, что проявляется в их социально-бытовой и национальной определенности, как отмечает В. А. Недзвецкий [Недзвецкий 1992: 140]. (Еще ярче это проявляется в романе «Обрыв» при создании образа Марфеньки и Веры).

В характеристике Юлии, возлюбленной Александра Адуева, очевидны переключки с характеристикой пушкинской Татьяны. Гончаров о Юлии: «...воображение, а за ним и сердце у ней были развиты донельзя, вскормлены романами», «Между тем ум Юлии не находил в чтении одних романов здоровой пищи и отставал от сердца...», «отсюда родилась мечтательность...» [Гончаров 1972: 198]. Гончаров о Татьяне в статье «Милльон терзаний»: «Женщины учились только воображать и чувствовать и не учились мыслить и знать. Мысль безмолвствовала, говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость

почерпали они из романов, повестей — и оттуда инстинкты развивались в уродливые, жалкие или глупые свойства: мечтательность, сентиментальность, искание идеала в любви, а иногда и хуже» [Гончаров 1938: 110].

Нельзя не отметить мысли Александра о «симпатии душ» [Гончаров 1972: 190]. Достаточно вспомнить слова автора о Ленском, о том, как он мечтал о высшей духовной близости: «Он верил, что душа родная/Соединиться с ним должна» [Пушкин 1984: 60]. Здесь очевидна ирония как со стороны Пушкина, так и со стороны Гончарова. Мечты о «симпатии душ» еще раз подчеркивают, что такие романтические мечты и надежды — иллюзорны.

Примеры цитаций в романе многочисленны. Адуев-старший использует цитату из поэмы «Руслан и Людмила»: «...струны вещицы баянов не станут говорить обо мне...» [Гончаров 1972: 176]. В этих словах чувствуется ирония, впрочем, как всегда в диалогах с племянником.

Узнаваемо звучат горькие слова Лизаветы Александровны, обращенные к мужу: «Хорош век! нечего сказать» [Гончаров 1972: 257]. Сказанное явно перекликается с «маленькой трагедией» Пушкина «Скупой рыцарь», достаточно вспомнить финальную сцену и завершающее восклицание Герцога: «Ужасный век, ужасные сердца!».

«...на службу ходил редко и неохотно, называя ее горькою необходимостью, необходимым злом или печальной прозой» [Гончаров 1972: 102], — такую характеристику дает автор Александру. Словосочетание «печальная проза», скорее всего, является отголоском пушкинских формул «смиренная проза», «суровая проза» («Евгений Онегин»), «презренная проза» («Граф Нулин»).

Строки «...и он «познал высшее блаженство поэта слышать свое произведение из милых уст» [Гончаров 1972: 110] — вероятная отсылка к стихотворению «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Глаза прелестные читали/Меня с улыбкою любви/Уста волшебные шептали/Мне звуки сладкие мои...» [Пушкин 1974: 60].

«Могу ли я думать теперь о презренной пользе...», «...о презренной пользе! презренная!...» [Гончаров 1972: 78] — отрывки из диалога дяди и Александра можно ассоциировать со стихотворением Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Тебе бы пользы всё — на вес/Кумир ты ценишь Бельведерский,/Ты пользы, пользы в нем не зришь./Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?/Печной горшок тебе дороже:/Ты пищу в нем себе варишь» [Пушкин 1974: 130].

В данном диалоге Гончаров иронично обыгрывает понятие «пользы», которое принадлежит к «практической» стороне жизни, а не к «идеальной».

«Воздымались ли у вас на голове волосы от чего-нибудь, кроме гребенки?» [Гончаров 1972: 150] — восклицает Александр, когда он безуспешно пытается объяснить дяде, что без романтической стороны жизнь теряет смысл. Здесь мы читаем намек на устойчивый образ поэтического вдохновения у романтиков, в том числе и в творчестве Пушкина. Из послания «Жуковскому» (1818): «Когда сменяются виденья/Перед тобой в волшебной мгле/И быстрый холод вдохновенья/Власы подьмет на челе...» [Пушкин 1974: 5].

Еще пример: «Тут он прочел стихотворение Пушкина: «Художник-варвар кистью сонной...» и т. д.» [Гончаров 1972: 260]. Здесь подразумевается заключительная строфа стихотворения «Возрождение» (1819): «Так исчезают заблужденья/С измученной души моей,/И возникают в ней виденья/Первоначальных, чистых дней» [Пушкин 1974: 18].

Когда Александр Адуев возвращается в деревню и понимает, что изменница Наденька уже в прошлом, звучат следующие строки: «Он помирился с прошедшим: оно стало ему мило» [Гончаров 1972: 267]. Вновь аллюзия, но в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...» (1825) у Пушкина эти строки звучат иначе: «Всё мгновенно, всё пройдет;/Что пройдет, то будет мило» [Пушкин 1974: 84].

В этот период жизни Александр уже на пути к «выздоровлению» от романтизма, он уже близок к тому, чтобы превратиться в подобие Петра Ивановича, но он еще не может перестать думать в привычной для него манере.

Эпизод в главе второй первой части романа, когда Александр пишет письмо своему другу Пospelову, можно в каком-то роде считать ключом к прочтению авторского замысла. В письме Адуев рассказывает о своем дяде, делится первыми впечатлениями о жизни в столице. Так он описывает Петра Петровича: «Я иногда вижу в нем как будто пушкинского демона... Не верит он любви, и проч...». И немного ниже: «...я думаю, он не читал даже Пушкина» [Гончаров 1972:].

По реакции Петра Адуева, когда он прочитал текст письма племянника, нельзя догадаться, понимает ли, о каком демоне идет речь. Читатель, конечно, догадывается, что речь идет о знаменитом пушкинском стихотворении «Демон» (1823). Петр Адуев, столичный

скептик, респектабельный и рациональный человек действительно похож на пушкинского демона. Осмеяние «возвышенных чувств», развенчание «любви», насмешливое отношение к «вдохновению», вообще ко всему «прекрасному», постоянная насмешливость, враждебность к любому проявлению «надежды» и «мечты» — все эти качества свойственны ему.

Александр Адуев часто цитирует Пушкина, и цитирует уместно, он не хочет принимать советы дяди и возражает ему: «Это какая-то деревянная жизнь... прозябание, а не жизнь! прозябать без вдохновения, без сил, без жизни, без любви...» [Гончаров 1972: 52]. Романтический культ чувства, сердца, свойственные герою (в противоположность дядиному «холодному рассудку»), заставляет Александра Адуева без особых усилий отыскивать у Пушкина созвучные строки: «О люди, люди! Род, достойный слез и смеха!» (с. 132), «Кто жил, кто мыслил, тот не может в душе не презирать людей» (с. 224), «Я пережил свои страдания, я разлюбил свои мечты» (с. 152), «Прежних ран...ничто не излечило» (с. 241), «К моей постели одинокой/Не крался в темноте ночной...» (с. 256), «любить так пламенно, так нежно» (с. 216), «где я страдал, где я любил/где сердце я похоронил» (с. 260).

Гончаров насыщает речь героя пушкинскими стихами, преследуя цель максимально сблизить его с романтиками.

Если проанализировать с этой точки зрения речь Петра Петровича, то мы заметим, что он практически не цитирует Пушкина. Исключениями становятся реплики, обращенные к племяннику. Это делается либо с иронией, направленной на Александра и романтизм в целом, либо затем, чтобы отметить, как Адуев — старший ценит именно реалистическое направление в творчестве поэта. Например: «Еще одно последнее сказанье!» — из драмы Пушкина «Борис Годунов», а точнее, из монолога Пимена в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». Можно провести параллель между полемикой двух Адуевых и беседой старца Пимена с чернецом Гришкой Отрепьевым. Пимен, как и Петр Петрович, полному сил молодому Григорию дает полезный совет «смирять...младую кровь», который тот не в силах исполнить. Мудрость старца итог долгого опыта, и сам он признается, что ведал «безумные потехи юных лет». Так и старший Адуев в свое время знал «потехи юных лет», или, цитируя Гончарова, «рвал желтые цветы», от чего хотел бы уберечь Александра.

После «предательства» Наденьки, между дядей и племянником происходит следующий разговор:

«— Я и прежде защищал порядочных людей. А ты давно ли стал бранить их, перестал называть ангелами?»

— Пока не знал, а теперь... о люди, люди! Жалкий род, достойный слез и смеха! Сознаюсь, кругом виноват, что не слушал вас, когда вы советовали остерегаться всякого...» [Гончаров 1972: 128].

«О люди, люди! жалкий род, достойный слез и смеха!» — неточная цитата из стихотворения «Полководец». У Пушкина она звучит несколько иначе: «О люди! Жалкий род...» [Пушкин 1974: 164]. Александр унижен и оскорблен, его чувства преданы, он воспринимает выбор Наденьки как измену всех людей, которые его окружают.

В «Обыкновенной истории» мы видим мастерское изображение двух мировоззрений, их противопоставление, а потом и компромисс, к которому герои приходят в конце повествования. Столкновение разных точек зрения происходит не только на уровне диалогов, где противопоставляются позиции героев, но и на уровне пространства. Мы видим образ деревни, идиллического места, противопоставляемого сухому, прагматичному Петербургу. При всем том праздная жизнь деревни несколько опошляется, а в столице есть своя величественная красота. Это сопоставление проходит через все романы писателя.

С самого прибытия Александр Адуев чувствует враждебность Петербурга, того нового мира, в котором ему предстоит жить. Привыкшему к провинциальной гостеприимности и добродушию людей ему все странно и непонятно: почему люди при встрече на улице не обращают друг на друга внимания, почему гостя принимают с неохотой и при возможности стараются выпроводить за дверь.

Совсем иначе представляется Петербург герою, когда он влюблен: «Наступала ночь... нет, какая ночь! разве летом в Петербурге бывают ночи? это не ночь, а... тут надо бы выдумать другое название — так, полусвет... Всё тихо кругом. Нева точно спала; изредка, будто впросонках, она плеснет легонько волной в берег и замолчит. Нева неподвижна, как спящий человек, который при легком шуме откроет на минуту глаза и тотчас снова закроет; и сон пуще сомкнет его отяжелевшие веки. Потом со стороны моста послышится как будто отдаленный гром, а вслед за тем лай сторожевой собаки с ближайшей тони, и опять всё тихо. Деревья образовали темный свод и чуть-чуть, без шума, качали ветвями. На дачах по берегам

мелькали огоньки» [Гончаров 1972: 242]. Здесь ясно прослеживаются черты романтической поэтики.

Но любовь прошла. Александру приходится покинуть город, в котором разбились его мечты, и он едет домой, в деревню, оглядывая город, который видится уже другими глазами: «Прощай, — говорил он, покачивая головой и хватаясь за свои жиденькие волосы, — прощай, город поддельных волос, вставных зубов, ваточных подражаний природе, круглых шляп, город учливой спеси, искусственных чувств, безжизненной суматохи! Прощай, великолепная гробница глубоких, сильных, нежных и теплых движений души. Я здесь восемь лет стоял лицом к лицу с современной жизнью, но спиною к природе, и она отвернулась от меня: я утратил жизненные силы и состарился в двадцать девять лет; а было время... Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил. К вам простираю объятия, широкие поля, к вам, благодатные веси и пажити моей родины: примите меня в свое лоно, да оживу и воскресну душой!» [Гончаров 1972: 259]. В этом монологе явно прочитывается ирония автора по отношению к поступкам и поведению героя, который и правда смешон в своих претензиях к городу и миру, где не сумел найти свое место. Автор показывает Петербург и как «омут», серый, грязный, холодный город, но одновременно он прекрасен тем, что рождает в душах людей восторженные чувства, поражая их своим великолепием.

Как и все в романе, образ северной столицы неоднозначен. Образ города помогает отразить состояние и мысли героя, его душевные переживания. Описание города содержит в себе отсылки к топам, созданным Гоголем и Пушкиным, но служат они творческому замыслу Гончарова. Петербург в «Обыкновенной истории» — это выражение нового, реалистичного мира, в основе которого жажда преуспеяния, карьерного и финансового успеха.

Как «неугомонному Петербургу» нет дела до конкретного маленького человека Евгения в «Медном всаднике» Пушкина, так город деловых людей отторгает романтического Александра. Мечты молодого человека разбились о суровую реальность большого города, которому не нужны мечтатели.

Иным в произведениях Пушкина и Гончарова представляется читателю идиллическое пространство деревни. Шумному Петербургу противопоставляется мир спокойствия, домашнего уюта. Цель жизни в этом замкнутом пространстве очень легко прочитывается — это жизнь в удовольствии и на радость окружающим. Глав-

ная ценность — семья, а важнейшие заботы — еда, сон и наслаждение покоем.

Стоит отметить, что даже пейзажными зарисовками автор вызывает у читателя улыбку: «...погляди-ка, — говорила она [Анна Павловна], — какой красотой бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертой сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся!» [Гончаров 1972: 17].

Красота природы напрямую соотносится с крестьянским трудом. При этом жители деревни едины с природным миром, вся их жизнь подчинена природному циклу. Все в этом мире привычно, близко, за его пределами все кажется враждебным, именно этим объясняется нежелание матери отпускать Александра в Петербург. Жизнь деревни движется плавно и гармонично, что городским жителям кажется глупым и смешным. Им претит безделье, праздные разговоры кажутся пустыми и бессмысленными. Петербуржцам нужно «дело делать», а не тратить дорогое время по пустякам. Им кажется, что жители Грачей тратят время впустую.

Хотя Гончаров и с долей иронии относится к такому укладу жизни, нельзя не заметить, что именно здесь, в деревне, герой приобретает такие нравственные качества, как умение любить, сострадать, сопереживать. Эту мысль подтверждает эпизод, когда Александр возвращается домой, раздосадованный жизнью в Петербурге, разочарованный в укладе той жизни, в людях, любви, даже в себе, исхудавший и полысевший, а уезжает полным сил и жажды деятельности: «Прошло два-три месяца. Мало-помалу уединение, тишина, домашняя жизнь и все сопряженные с нею материальные блага помогли Александру войти в тело. А лень, беззаботность и отсутствие всякого нравственного потрясения водворили в душе его мир, которого Александр напрасно искал в Петербурге. Там, убежав от мира идей, искусств, заключенный в каменных стенах, он хотел заснуть сном крота, но его беспрестанно пробуждали волнения зависти и бессильные желания» [Гончаров 1972: 238].

Дома он находит покой и примирение со своими мыслями и чувствами. Здесь все, как и всегда, его любят, о нем заботятся. Никто и ничто не мешает ему заниматься самим собой, никто не пытается спустить его с небес на землю. Александр наслаждается беззаботной жизнью, которая в деревне не меняется. Она течет согласно сменяющимся возрастным и природным циклам, все движется

плавно, не спеша, подчиняясь законам времени. Сонюшка, первая любовь Александра, вышла замуж и у нее большая семья; Антон Иванович все так же не меняет своего образа жизни. Смерть иногда посещает этот уголок: умирает мать Александра, избавив его от объяснения причины отъезда в Петербург. Здесь Гончаров цитирует Пушкина: «...где люди в кучах, за оградой» (с. 281), неслучайно взяв строку из пушкинской поэмы «Цыгань».

И Александр, и Алеко бегут от цивилизации, ища спокойствия и умиротворения в естественном природном мире. Есть и другие основания для их сопоставления: счастье Алеко с Земфирой заканчивается, девушка не скрывает, что разлюбила его. Старик, отец Земфиры, пытается поддержать и утешить юношу. Так и Александр, страдая от разрыва с любимой, ищет утешения в разговорах с Петром Ивановичем. Однако для дяди это еще один повод для иронии, и он без прикрас, со свойственной ему холодностью и прямоотой, раскрывает перед племянником всю «анатомию» любви.

Александр цитирует Пушкина, когда смотрит на деревню уже после возвращения из столицы: «Там люди в кучах, за оградой, / Не дышат утренней прохладой, / Ни вешним запахом лугов; / Любви стыдятся, мысли гонят, / Торгуют волею своей, / Главы пред идолами клонят / И просят денег да цепей» [Пушкин 2017: 131]. Но если пушкинский Алеко говорит о светском обществе и его пороках, то Александр говорит о себе и о том, что ему легче и свободнее живется простой «немудреной жизнью».

Романтическая поэма Пушкина призвана разрушить иллюзию о «естественном» человеке, который по представлениям должен быть счастлив, а на деле выходит иначе: «и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!». Александр, в отличие от пушкинского героя, смиряется с жизнью, принимает условия и правила, которые ему диктует Петербург.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что преследуя определенную цель, писатель активно использует знакомые и узнаваемые читателем отсылки к творчеству Пушкина. Наделяя речь героев цитатами из его произведений, Гончаров показывает, что время романтиков прошло, ему на смену приходит новое поколение деловых людей.

Гончаров — один из выдающихся продолжателей пушкинской традиции. На протяжении всей литературной деятельности романист

обращается не только к прямой цитации, аллюзиям и реминисценциям, но и к узнаваемым пушкинским мотивам и образам, которые нашли отражение во всех трех известных романах И. А. Гончарова — «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв».

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр./сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бочаров С. Г. Настоящий Гончаров: Что есть общего между Евгением Онегиным и Марком Волоховым?/С. Бочаров, И. Сухих, А. Немзер // Знамя. 2012. № 10. С. 158–166.

Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма/Ред., вступ. ст. и примеч. А. П. Рыбасова. Л.: Гослитиздат. 1938. 404 с.

Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., Т. 8. 1955. С. 64–113.

Гончаров И. А. Обыкновенная история/И. А. Гончаров. М: Издательство «Художественная литература», 1972. 303 с.

Демиховская О. А. Эстетическая традиция Пушкина и Гоголя в творчестве И. А. Гончарова: (роман «Обломов»)/О. А. Демиховская, А. И. Ревякина // Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика). М., 1968. Ч. 1. С. 101–102

Доманский В. А. Художественные зеркала романа И. А. Гончарова «Обрыв»/В. А. Доманский // Гончаров И. А. Материалы Международной научной конференции. Ульяновск, 2003. С. 146–153

Кондратьев Б. С. Пушкинский мотив сна в романе И. А. Гончарова «Обломов». Сравнительный анализ «Сна Обломова» и стихотворного отрывка А. С. Пушкина «Сон»/Б. С. Кондратьев // Пушкин на пороге XXI века. Арзамас, 2008. С. 95–104.

Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров/А. Ф. Кони, Н. К. Пиксанов // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 238–260.

Косиков Г. К. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: ИГ «Прогресс», 2000. 536 с.

Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник/В. А. Недзвецкий. М.: Издательство МГУ, 1992. 175 с.

Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. Монография. М.: Советский писатель, 1986. 480 с.

Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах/Вступ. статья П. Г. Антокольского. М.: Худож. лит., 1984. 225 с.

Пушкин А. С. Лирика. М.: Дет. лит., 1974. 207 с.

Пушкин А. С. Медный всадник. Поэмы/А. С. Пушкин. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 320 с.

Эко У. Отсутствующая культура. Введение в семиологию/У. Эко. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

REFERENCES

Barth R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika: per. s fr./sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 s.

Bocharov S. G. Nastojashhij Goncharov: Chto est' obshhego mezhdu Evgeniem Oneginym i Markom Volohovym?/S. Bocharov, I. Suhij, A. Nemzer // *Znamja*. 2012. № 10. S. 158–166.

Goncharov I. A. Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma/Red., vstup. st. i primech. A. P. Rybasova. L.: Goslitizdat, 1938. 404 s.

Goncharov I. A. Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskie zametki) // *Goncharov I. A. Sobranie sochinenij: V 8 t.* M.: Gos. izd-vo hudozh. lit., T. 8. 1955. S. 64–113.

Goncharov I. A. Obyknoennaja istorija/I. A. Goncharov. M: Izdatel'stvo "Hudozhestvennaja literatura", 1972. 303 s.

Demihovskaja O. A. Jesteticheskaja tradicija Pushkina i Gogolja v tvorcestve I. A. Goncharova: (roman "Oblomov")/O. A. Demihovskaja, A. I. Revjakina // *Problemy izuchenija hudozhestvennogo proizvedenija (metodologija, pojetika, metodika)*. M., 1968. Ch. 1. S. 101–102.

Domanskij V. A. Hudozhestvennye zerkala romana I. A. Goncharova "Obryv"/V. A. Domanskij // *Goncharov I. A. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ul'janovsk, 2003. S. 146–153.

Kondrat'ev B. S. Pushkinskij motiv sna v romane I. A. Goncharova "Oblomov". Sravnitel'nyj analiz "Sna Oblomova" i stihotvornogo otryvka A. S. Pushkina "Son"/B. S. Kondrat'ev // *Pushkin na poroge XXI veka*. Arzamas, 2008. S. 95–104.

Koni A. F. Ivan Aleksandrovich Goncharov/A. F. Koni, N. K. Pikanov // *I. A. Goncharov v vospominanijah sovremennikov*. L., 1969. S. 238–260.

Kosikov G. K. Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k post-rukturalizmu. M.: IG "Progress", 2000. 536 s.

Nedzveckij V. A. I. A. Goncharov — romanist i hudozhnik/V. A. Nedzveckij. M.: Izdatel'stvo MGU, 1992. 175 s.

Poljakov M. Ja. Voprosy pojetiki i hudozhestvennoj semantiki. Monografija. M.: Sovetskij pisatel', 1986. 480 s.

Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Roman v stihah/Vstup. stat'ja P. G. Antokol'skogo. M.: Hudozh. lit., 1984. 225 s.

Pushkin A. S. Lirika. M.: Det. lit., 1974. 207 s.

Pushkin A. S. Mednyj vsadnik. Pojemy/A. S. Pushkin. M.: Jeksmo-Press, 2017. 320 s.

Jeko U. Otsutstvujushhaja kul'tura. Vvedenie v semiologiju/ U. Jeko. SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.

Научный руководитель: Маркова Т. Н., д.ф.н., профессор.

Данные об авторе

Епимахова Валерия Григорьевна — магистрант филологического факультета ЮУрГГПУ, Челябинск, Россия.

E-mail: valeriya_kimos@mail.ru

Author's information

Epimakhova Valeria Grigorievna — master's student of the Faculty of Philology, South Ural State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: valeriya_kimos@mail.ru